

Центр стратегических оценок и прогнозов

www.csef.ru

Материалы круглого стола «Центральная Азия в геополитических процессах, ее настоящее и будущее»

Москва, 2011

25 сентября по инициативе Центра стратегических оценок и прогнозов прошел заочный круглый стол на тему «Центральная Азия в геополитических процессах, ее настоящее и будущее», в работе которого приняли участие эксперты из России и Украины, специализирующиеся на изучении вопросов региональной тематики. Мероприятие прошло при поддержке ИА ТПП-Информ.

Общим итогом прошедшего мероприятия стала оценка ситуации в регионе Центральной Азии как «весьма динамичной», «готовой к кардинальным изменениям». В качестве основного фактора дестабилизации указывается стремление геополитических центров силы пересмотреть вопросы доступа к запасам полезных ископаемых в регионе.

Что касается вопроса о времени начала таких трансформаций в регионе, то здесь эксперты разошлись во мнениях.

Некоторые эксперты склонны полагать, что сценарии переустройства региона совпадут с предвыборными кампаниями в России (с тем, чтобы точно избежать участия российской стороны в возможных событиях). Другая часть участников круглого стола полагает, что до завершения избирательного процесса в России ждать серьезных изменений в регионе не стоит.

В целом участники подтвердили стратегическое значение региона как в нынешних глобальных процессах, так и в будущем переустройстве мира, которое неизбежно как результат выхода современной цивилизации из затянувшегося системного кризиса.

Участники мероприятия

Россия

Сергей Гриняев

Руководитель Центра стратегических оценок и прогнозов, доктор технических наук.

Александр Собянин

Руководитель службы стратегического планирования Ассоциации приграничного сотрудничества.

Игорь Панкратенко

Координатор проекта «Иран: вчера, сегодня, завтра» Центра стратегических оценок и прогнозов, кандидат исторических наук.

Украина

Владислав Гулевич

Политический аналитик, обозреватель газеты "Час пик", член экспертной команды внешнеполитического издания "Международная жизнь", аналитик Центра консервативных исследований факультета социологии международных отношений МГУ им. Ломоносова.

Введение

Геополитические развития текущего года отчетливо показали, что многие проекты, находившиеся в предыдущие годы в разработке, были переведены в стадию практической реализации. Это, прежде всего, проект переустройства Европы (который непосредственно связан и с проектом «Россия»), проект формирования Большого Ближнего Востока, и Новый Азиатский проект (активной фазой которого стали трагические события в Японии).

Столь масштабных геополитических подвижек не было со времен развала СССР и Варшавского договора. В процессы вовлечены все мировые центры силы, причем некоторые из них (ЕС и Япония) в ходе трансформационных процессов утрачивают свое значение, другие (Китай) – усиливают свою роль. Но, что еще более важно, в результате трансформаций формируются новые центры силы. Таковыми сегодня можно считать Иран и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива¹.

Несмотря на активизацию целого ряда геополитических проектов, большинство из них реализуются без разжигания межгосударственных вооруженных конфликтов. Сегодня, в отличие от предыдущих лет, движущие силы геополитических трансформаций лежат внутри вовлеченных государств.

Нынешние геополитические развития свидетельствуют, что отказ от мировых и региональных войн как средства перекройки границ, стал лишь очередным этапом при переходе к еще более масштабным инструментам управления. Практика последних событий показала, что современные достижения в области информационных технологий, психологии влияния, рекламы и управления, вполне позволяют решать серьезные геополитические задачи.

Оценивая происходящее (прежде всего, это переход целого ряда геополитических проектов в активную фазу) можно прогнозировать, что следом за указанными событиями последуют события, влекущие трансформацию иных сфер – экономической, финансовой, социальной и др.. Именно так развивались события после ключевого глобального потрясения XX века – Второй мировой войны. В частности, вслед за военными действиями, приведшими к перекройке целого ряда государственных границ, последовали и фундаментальные последствия в мировой финансовой системе – были введены в действие Бреттон-Вудские соглашения – основы современных финансов. Еще раньше – по итогам Первой мировой войны был разрушен целый ряд колониальных систем и империй, а в финансовой сфере утвердился «золотой стандарт» и была создана ФРС США.

Нынешние геополитические развития, охватившие практически весь мир, тем не менее, локализуются в ряде региональных проектов. Это вполне понятно, так как в рамки таких проектов попадают, как правило, государства или группы государств, для которых можно выделить некие общие факторы: культуру, религию, этнические группы и др. Успешная реализация таких региональных проектов в дальнейшем позволит перейти к выстраиванию и некой глобальной конфигурации.

События в Северной Африке и на Ближнем Востоке несколько притупили внимание СМИ к развитиям в другом важном регионе – Центральной Азии. Это и понятно – на время подготовки активных событий организаторам просто необходимо увести фокус внимания мировых СМИ от проблем того региона, где намечаются «жаркие деньки». Вспомните, как накануне событий в Египте и Тунисе весь мир занимался исключительно вопросами разбора компромата от WikiLeaks.

Кроме того, анализ произошедших событий в узбекском Андижане, киргизском Оше показал, что на тот момент попытка дестабилизации оказывалась малоэффективной. Да и Россия тогда еще не была готова разменять собственные интересы в регионе. Нужно было

¹ http://www.csef.ru/studies/politics/projects/arab_revolution/articles/1443/

время для более детальной проработки вопроса активизации использования внутреннего протестного потенциала в странах региона.

Оценки показывают, что сегодня формируются приемлемые условия для реализации геополитического проекта в отношении стран Центральной Азии.

В последние годы Россия – один из ключевых региональных игроков – так и не восстановила своего влияния в регионе. Созданный для консолидации оборонительного потенциала региональный блок – ОДКБ. Эта организация в последнее время все чаще рассматривается экспертами не иначе как азиатский филиал НАТО, основной задачей которого в ближайшие годы станет не обеспечение стабильности в самой Центральной Азии, а подмена сил НАТО в Афганистане, а в перспективе – возможное противостояние с Китаем². В этом же ключе может рассматриваться и снижение внимания российских СМИ к вопросам развития другой региональной организации – ШОС. Все более ясное доминирование Китая в этой организации, привело к потере интереса российской стороны и к этому проекту.

Что касается текущего момента, то начавшаяся избирательная кампания в России, которая может стать одной из наиболее напряженных за последние годы, сохраняющиеся проблемы в российской экономике, а также все большее сближение внешнеполитической позиции России с позицией Запада по ряду вопросов (в частности, по Ливии), позволяют говорить о том, что период со второй половины 2011 и до окончания первой половины 2012 года является наиболее удобным временем активизации трансформационных процессов в Центральной Азии. Именно в это время внимание со стороны России будет минимальным ко всему происходящему в регионе.

Таким образом, конфигурация основных региональных сил сегодня несколько иная, чем несколько лет назад. И если Россия постепенно уходит из региона, сосредотачивая вектор своего развития на Западе, то, к примеру, Иран наоборот стремится к усилению своего влияния в Центральной Азии.

Так как же будут развиваться события в регионе? С этим основным вопросом мы обращаемся к участникам нашего круглого стола.

² <http://www.csef.ru/studies/defence/materials/1554/>

Вопросы к обсуждению

1. Ваша ретроспективная, текущая и перспективная оценка облика, а также роли и места Центральной Азии в мировых геополитических процессах (10 лет назад, сегодня, через 10 лет)?

Сергей Гриняев (Россия).

Интересный вопрос. Интересен он, прежде всего тем, что предстоящее десятилетие не только для Центральной Азии, но и для мира в целом по прогнозам большого числа аналитиков будет не из простых. Более того, целый ряд прогнозистов склоняются к тому, что предстоящее десятилетие может оказаться переломным в истории современной цивилизации. Так что будущее региона всецело будет зависеть от глобальных событий.

Что же касается происходящих трансформаций, то большинство из них тесно связаны с геополитическим статусом региона Центральной Азии – это «мягкое подбрюшье» России, да и Европы в целом.

Во все времена, когда раскачивалась ситуация в России значительный деструктивный потенциал накапливался именно в Центральной Азии. Не случайно, спецслужбы ряда стран (и, прежде всего, Великобритании) на протяжении долгого времени активно поддерживали (а в ряде случаев – поддерживают и сегодня) националистические движения. Если вспомнить историю, то басмачество в Центральной Азии было ликвидировано лишь к концу двадцатых годов прошлого века – спустя многие годы после прекращения гражданской войны в РСФСР.

Это свидетельство того, что национальная, этническая и религиозная почва в регионе во многом способствовала поддержанию нестабильной ситуации в регионе в целом. За годы советской власти относительный порядок в регионе был наведен, но только весьма относительный – сразу по развалу СССР ситуация в Центральной Азии во многом вернулась в своем развитии к первым десятилетиям XX века.

Касаясь второй части вопроса – будущего региона, то здесь целесообразно исходить из значимости отдельных стран и региона в целом в реализации глобальных транспортных коридоров перемещения углеводородного сырья из бассейна Каспийского моря и Туркмении на рынки Европы и Азии. Конкуренция за газ, будет решающим фактором, который определит будущее региона.

Уже сегодня анализ развития ситуации вокруг таких проектов как «Южный поток», «Набукко», «Транскаспийский газопровод», показывают, что предстоящее десятилетие будет жарким. Я не исключаю, что борьба за энергоносители может выйти и в «красный сектор» - когда приемлемы любые средства и тогда весьма вероятна стремительная эскалация как существующих, так и новых конфликтов.

Можно предположить, что в борьбе за газ из региона, мировые игроки разыграют другую карту – карту водных ресурсов региона. Именно вода может стать тем камнем преткновения, вокруг которого и будет складываться региональная обстановка в следующем десятилетии.

Владислав Гулевич (Украина).

Важно определиться, что конкретно мы понимаем под топонимом «Центральная Азия» (ЦА). Если среднеазиатские республики, тогда это одно. Если же в строго географическом смысле, тогда совсем другое, т.к. ЦА включает в себя кусок Индии, кусок Пакистана, кусок Ирана, азиатскую часть России, Монголию и, собственно,

среднеазиатские республики. Я коснусь ЦА в широком, т.е. географическом смысле этого словосочетания.

Центрально-азиатский регион в фокус мировых геополитических процессов попал сравнительно недавно, с обретением независимости среднеазиатскими республиками СССР, которая вылилась почти для каждой из них в кровопролития и войны. Суверенные среднеазиатские государства сразу же очутились под зорким вниманием США.

На них обращали внимание и раньше, ещё до ввода советских войск в Афганистан. Об этом говорил Збигнев Бжезинский, в порыве откровенности признавший, что американцы появились в Афганистане за полгода до ввода частей СА.

Задача у Белого дома была двоякая – либо втянуть Москву в затяжной конфликт на территории этой соседней страны, либо самим, если получится, перенести боевые действия моджахедов на советскую территорию. Ввод войск в Афганистан не был глупой ошибкой, на мой взгляд. Геополитическая логика подсказывала именно этот вариант. Не было бы нас в Афганистане, резня в Средней Азии началась бы на 10 лет раньше.

С уходом СССР из Афганистана и распадом самого СССР ЦА превратилась в удобный плацдарм для воздействия на обширный регион, от постсоветской Средней Азии до Пенджаба и Ирана. Учитывая, что здесь сошлись интересы многих игроков (РФ, КНР, США, Иран, Индия), ЦА сохранит своё ключевое значение.

Александр Собянин (Россия).

Место региона в последние тысячелетия оставалось прежним и останется, уж во всяком случае, в ближайшее столетие, таким же. А именно — Центральная Азия "сшивает" Евразийский континент во взаимосвязанную систему. Т.е. если Центральная Азия мирная — то Китай, Россия, Европа, Ближний Восток - торгуют, плодотворно взаимодействуют. Так это было при Чингисхане и Чингизидах, так это было во время тандемного держания народов планеты Соединенными Штатами и нашим Советским Союзом.

Если центр Евразийского континента раздроблен, а страны и народы являются полем "мягкой игры чужими руками на чужой территории" для глобальных геополитических игроков, то это означает, что наш Север, китайский Восток, исламский Юг и атлантический Запад неравно конкурируют, что для региона означает гражданские войны, межэтнические конфликты, социально-экономическую и культурно-политическую деградацию. Так это было во время соперничества персидских шахств, Османской и Российской империй до 20-х годов 20-го века, так это происходит в последние 20 лет после развала СССР.

Петербургский аналитик Сергей Переслегин сравнивает регион Центральной Азии с морским пространством — Морем Степи, что весьма образно и очень точно. Что касается близкой перспективы в 10 лет, то можно говорить о небольших трендах, которые проявятся и приведут, уже в дальнейшие десятилетия, к серьезным подвижкам.

Центр силы Большой страны (условно, Большой России, Евразийского Союза, новой Большой страны на пространстве бывшего Союза ССР) сдвигается на восток. Экономически — в Восточную Сибирь, на севера и Дальний Восток, геокультурно — в сторону мира Ислама, Китайской картины мира, Кавказ для "внутреннего Российского ядра" замещается Средней Азией, которую неминуемо в дальнейшем отделят в русском языке от Азии Центральной, как это было во время Российской империи и СССР, где "Средняя Азия — наша", а "Центральная Азия" включала в себя и Синьцзян, и Монголию, и Афганистан.

Игорь Панкратенко (Россия).

В оценке облика, роли и места Центральной Азии (сразу оговорюсь, что под этим термином в данной дискуссии я рассматриваю постсоветское пространство – Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан), по моему мнению, нужно исходить из нескольких факторов, которые десять лет назад приобрели устойчивый характер и на ближайшую перспективу остаются основными, определяющими как конструкцию внешнеполитического взаимодействия, так и общую ситуацию в регионе. Что это за факторы?

Во-первых, архаизация социально-политических отношений и экономики Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Совершенно очевидно, что экономика Узбекистана будет и дальше развиваться как сырьевая, как «экономика трубы». Про экономику Кыргызстана и Таджикистана я и говорить не хочу, потому как говорить об экономике в странах с ВВП около \$4,5 млрд и \$6,8 млрд соответственно не вижу смысла. Понятно, что страны с таким ВВП обречены на отсутствие собственной внешней политики, обречены на следование в кильватере тех, кто сильнее, обречены на то, что именно их территория станет полем очередного раунда «Большой Игры».

Во-вторых, фактор «постамериканского Афганистана», то есть Афганистана, из которого уйдут США. Фактически, США сбрасывают афганскую проблему на страны региона, и ее решение в любом из вариантов – единой страны либо Северного Афганистана и Пуштунистана – будет головной болью уже не США, а Ирана, Пакистана, Китая, Индии, России и государств пост-советской Центральной Азии. А это, как мне представляется, означает, что нас ожидает фейерверк временных союзов, блоков и маневров.

В-третьих. Последние заявления (и интонации этих заявлений) Вашингтона. В частности - выступление Роберта Блейка по поводу «The New Silk Road». Они означают, что *никуда из региона США не уйдут, но свою политику будут проводить чужими руками*, в частности – теми режимами постсоветских государств Центральной Азии, которые Вашингтон без особого шума, по факту, втянули в орбиту своих интересов, и встроил в общий план своей политики в регионе.

Не буду в подробностях расписывать значение каждого фактора, все понимают, что этот список далеко не полон. Важнее мне представляется вывод о том, что на ближайшую перспективу Центральная Азия станет полем столкновения геополитических интересов таких глобальных игроков как США и КНР, региональных игроков в составе ИРИ и РФ.

Ну и, разумеется, не обойдется без живейшего участия Индии и Пакистана, хотя активность Индии в регионе не будет иметь, на мой взгляд, сколько-нибудь значимого характера.

2. Роль и место (интересы) геополитических центров силы в региональных процессах и их динамика (в диапазоне 10 лет назад, сегодня и через 10 лет)?

Сергей Гриняев (Россия).

Исторически сложилось так, что ведущим мировым геополитическим центром в регионе была Великобритания. Империя столетиями рассматривала регион не иначе как плацдарм для возможной реализации угроз интересам Метрополии в государствах Ближнего Востока и в Индии, и прикладывала все возможные усилия с целью не допустить распространения в регионе какого-либо иного влияния. В частности, есть

версия, что смерть императора Павла I во многом связана именно с его желанием укрепить позиции Российской Империи в Центральной Азии.

Спустя столетие, уже в первые десятилетия XX века ситуация в регионе также характеризовалась тем, что Британская Империя прикладывала громадные усилия к сохранению независимости региона от Москвы – басмачество до конца двадцатых годов оставалось основным инструментом британской политики в Центральной Азии.

Сегодня ситуация несколько меняется, хотя основополагающий вектор британского влияния в регионе сохраняется и сегодня. Однако Империя, несмотря на предпринимаемые колоссальные усилия, в XXI веке все же теряет былое могущество. Сил Метрополии не хватает на удержание контроля над все более расшатывающейся ситуацией в мире в целом. Поэтому в отдельных регионах Британия стремится переложить управление на своих верных союзников. По некоторым оценкам именно с этим связано продвижение в последние годы в регионе интересов Израиля в качестве ведущей региональной силы.

Вместе с тем, снижение активности в регионе Британии, несмотря на вовлечение ее региональных союзников, ведет к существенному изменению расклада геополитических сил в регионе – расширение влияния Китая не могло не оказать воздействие на развитие ситуации в регионе в целом.

Именно интересы Китая во многом будут определять развитие ситуации в регионе в ближайшие десять лет. Именно Китай станет тем глобальным центром силы, который целиком возьмет под контроль регион. Инструментом, проводящим китайскую политику в регионе, станет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Можно предположить, что в ближайшие годы большинство стран региона предпочтут координировать свою внешнюю (да и внутреннюю) политику путем консультаций в рамках ШОС.

Что касается России, то она в последние годы проводит политику, направленную на изменение вектора собственных интересов, с его переориентацией на сближение со странами Запада. В этой связи роль России в делах региона в предстоящее десятилетие будет уменьшаться. Вместе с тем, без России странам региона будет по-прежнему сложно организовать прямые поставки газа на европейские рынки. Возможность транспорта сырья через территорию Афганистана еще долго будет оставаться недоступной. Хотя растущий рынок Китая в этом плане будет представлять для России серьезного конкурента. Может случиться так, что через десять-пятнадцать лет весь среднеазиатский газ будет потребляться экономикой Китая.

Владислав Гулевич (Украина).

10 лет назад, как и 20 лет назад, Россия теряла свои позиции, а Соединённые Штаты укрепляли своё присутствие. Вашингтон удачно создаёт азиатский «санитарный кордон» вокруг России, ведущая роль в котором принадлежит Афганистану. Эта страна – эпицентр дестабилизации, круги от которого расходятся по всему региону. За Россию более или менее держится Казахстан. Киргизия и Таджикистан отвечают взаимностью на «ухаживания» Вашингтона. Узбекистан стоит особняком, выказывая к России больше враждебности, чем дружественности. Не прекращаются попытки вывести из-под влияния Москвы и Астану, в т.ч. не напрямую, а завуалировано, руками партнёров по НАТО.

Если ранее российское влияние достигало чуть ли не границ Индии, то сейчас оно скукожилось и сжалось до приграничных районов между Россией и среднеазиатскими республиками. Задача №1 для Штатов – как минимум, законсервировать такое положение дел. Сейчас Вашингтону необходима поддержка России по ряду вопросов (Афганистан, Иран), поэтому дразнить Кремль своим поведением в регионе они не будут. Знают, что из-

за пресловутой угрозы исламского фундаментализма Кремль всё равно предпочтёт помогать Вашингтону, а не вставать к нему в оппозицию. Это не снимает с повестки дня проблему проникновения американского влияния вглубь постсоветской Средней Азии.

Геополитические императивы для Тегерана – противодействовать созданию в ЦА прочного американского плацдарма, поскольку присутствие США в регионе – это не только давление на Москву, но и на Тегеран. Иранские вооружённые силы – одни из самых многочисленных и наиболее идеологически подкованных в ЦА, но обладают недостаточно развитыми ВВС и малоэффективной логистической инфраструктурой. Иранцы полагаются на более «мягкие» методы проникновения в регион, в основном, экономические. Так же действуют китайцы, за которыми с опаской наблюдают индийцы. Будущее принесёт нам обострение конкуренции между РФ, КНР и США в ЦА. Причём двое последних настроены решительно. Американцы уже привлекают на свою сторону Дели, извечного конкурента Пекина, озвучивая идею о необходимости реализации совместных проектов Индии и НАТО.

Александр Собянин (Россия).

Хотел бы не согласиться с самой постановкой темы. Ведь от того, кто и что спрашивает, зависит и то, что отвечают, и то, как воспринимается ответ.

Я не согласен с большей частью тех позиций, которые организаторы круглого стола "Центральная Азия в геополитических процессах, ее настоящее и будущее" дали в описании ситуации в регионе.

На мой взгляд, концепты "Новая Большая Азия", "Новая Центральная Евразия", "Новый Ближний Восток", "Новый Азиатский проект" — суть лишь операции прикрытия для реализации реальных стратегических задач мирового гегемона.

У нас сейчас в мире лишь один настоящий центр и полюс силы, если опираться в понятийном аппарате на теоретические понятия центра и полюса силы Олега Арина, — это США. Ни Евросоюз, ни Китай, ни уж тем более Россия не могут всерьез конкурировать глобально с мировым гегемоном.

Однако в силу географической близости на регион в наибольшей степени воздействует Российская Федерация. И это влияние на Среднюю Азию (я отделяю от Центральной Азии в более широком понимании) России превосходит совокупное влияние США, Китая и Евросоюза.

Другое дело, что у русских нет вменяемой и эффективной для интересов России и понятной для Казахстана и среднеазиатских стран "российской среднеазиатской политики", а у США есть — это демократия, и у Китая есть — это социальная справедливость и экономический не-имперский прагматизм (имперский вектор Поднебесной направлен на юго-запад и юго-восток).

Затем, я не понимаю, причем тут Иран и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива? Ни Иран, ни страны Залива не влияют сколько-нибудь серьезно ни на одну страну региона (тот же Таджикистан от России, Узбекистана и Китая зависит намного больше, чем от Ирана).

Я не согласен с тем, что "...движущие силы геополитических трансформаций лежат внутри вовлеченных государств...", — они лежат именно что вовне, с опорой на внутренние заинтересованные силы и агентов влияния.

Также не согласен с тем, что "...современные достижения в области информационных технологий, психологии влияния, рекламы и управления, вполне позволяют решать серьезные геополитические задачи...". Это реально лишь в случае

США. Россия, если хочет "решать задачи" в регионе, должна опираться на более фундаментальные опоры — прежде всего на отличную от англосаксонской картину мира и собственные философские взгляды, которые были бы приемлемы для других народов. Технологии же — лишь то, чем овладеть любому игроку необходимо в обязательном порядке.

Не вполне понял я организаторов и в вопросе по поводу Федеральной резервной системы и Бреттон-Вудских соглашений. Последние были ярким примером концептуально-стратегической победы США во Второй мировой войне. В 1944 году англосаксы фактически сотворили у чертежного кулмана Истории план-схему мирового устройства, по которой мир и прожил до 1991 года. В 1994-м, напомним, наша страна держала кровью и волей советских людей бой с фашистским агрессором, т.е. никак не могла защитить свои интересы в этом финансовом глобальном начертании.

Неудивительно, что Запад к концу 1980-х выдоил живую энергию советского народа.

Не согласен я и в том, что в последние годы Россия — один из ключевых региональных игроков — так и не восстановила своего влияния в регионе. Да не надо "восстанавливать" влияние, ибо оно никуда не исчезало. Достаточно простой уйти от цинизма либерального империализма и экономического прагматизма, что Россия де-факто проводит в Средней Азии, и начать со странами и народами диалог русский, диалог честный, с опорой на справедливость и союзническую надежность.

Мне кажется, организаторы круглого стола, как это принято у российских методологов и во многих других школах сценирования, намеренно расставили акценты именно на неочевидных и выглядящих парадоксально позициях.

Игорь Панкратенко (Россия).

Я предложил бы уважаемым коллегам в развитие их выступлений пусть схематично и неполно, но все же попробовать обрисовать контуры интересов основных игроков в регионе. Думаю, это поможет составить или, как принято говорить у военных — «поднять» карту интересов этих самых центров силы. А уж это, в свою очередь, позволит нам определиться с потенциальными игроками. Итак.

США. Представляется, что Вашингтон, стремясь упрочить свое положение в регионе, преследует несколько целей. Первое - создать дополнительный плацдарм для контроля и возможного противодействия Китаю, особенно в случае его конфликта с Индией, сближение с которой является стратегической задачей США. Второе - обеспечить контроль за транспортными коридорами, и в первую очередь — за транспортными коридорами энергоносителей. Третье — обеспечить «окружение» Ирана. Впрочем, для США это задача оперативно-тактического уровня, на данный момент ее можно считать условно-решенной, что и продемонстрировал инцидент с возвращением в Тегеран иранских военнослужащих-участников парада в Таджикистане.

КНР. Вопреки всем «страшилкам», Пекин не стремится к территориальной экспансии. Его задачей на ближайшее десятилетие является обеспечение стабильного роста собственной экономики. А отсюда — его заинтересованность в создании устойчивых транспортных коридоров для поставки энергоносителей и обеспечение бесперебойных поставок минерального сырья из стран Центральной Азии. Ну и, разумеется, стабильность Синьцзян-Уйгурского автономного района, остающегося болевой точкой КНР и весьма «отзывчивого» на внешнее воздействие исламских фундаменталистов.

Исламская Республика Иран. Здесь очевидно стремление к обеспечению беспрепятственной транспортировки энергоносителей в Китай, который в силу объема экспорта является стратегическим партнером для Ирана. Разумеется, что Иран

заинтересован в стабильном Афганистане и считает, что «афганский вопрос» должен быть разрешен на региональном уровне, без внерегиональных участников.

Далее. Иран серьезно настроен на оказание содействия Таджикистану как части «Большого Ирана» в экономическом развитии, которое возможно только в условиях стабильности в регионе.

И, наконец, *Россия*. Собственно, сегодня интересы России в регионе сводятся к следующему: обуздание наркотрафика и недопущение волны миграции, вызванной дестабилизацией ситуации в регионе.

Утверждения о том, что интересы России в регионе более масштабны, на мой взгляд, не имеют под собою оснований.

Цели во внешней политике тесно увязаны с экономическими возможностями страны, ее внешнеполитическим потенциалом (ведь именно ВПП является определяющим для категории «центр силы»).

Кроме того, «азиатское направление» никогда не было сильной стороной российской внешней политики. И сегодня интересы и активность России более сосредоточены на «западном направлении». Хорошо это или плохо – вне рамок данной дискуссии.

Думаю, что вот такая схематичная карта достаточно четко позволяет спрогнозировать активность основных игроков в регионе. Как видим, если для США и КНР задачи, которые им необходимо решить в Центральной Азии носят стратегический характер, то для остальных участников они скорее оперативно-тактического уровня.

3. Как Вы оцениваете возможность и направленность трансформационных процессов в Центральной Азии? Где (в какой стране, социальной группе и др.) будет находиться центр инициации процессов, по каким векторам процессы будут распространяться и что станет итоговым результатом таких процессов?

Сергей Гриняев (Россия).

Отвечая на предыдущий вопрос, я указал, что предстоящее десятилетие будет знаковым для региона – растущая экономика (и, следовательно, интересы) Китая требует сырья. Наиболее целесообразно это сырье получить в соседних странах Центральной Азии. Но для этого Китаю необходимо предпринять серьезные усилия по выдавливанию из сферы своих интересов в регионе тех геополитических центров силы, которые долгие годы выстраивали систему защиты своих интересов в регионе. Этот процесс, безусловно, приведет, в том числе, и к открытым столкновениям. Специфика стран региона такова, что всякого рода «бархатные» или «твиттерные» революции здесь вряд ли будут иметь успех. Революция, если она начнется, в регионе будет иметь ярко выраженный силовой характер. А то, что такие события произойдут в ближайшем десятилетии, сомневаться не приходится – уж больно жаростно сталкиваются интересы глобальных центров силы за борьбу над запасами энергоносителей в регионе.

По моим оценкам, источником дестабилизации ситуации в регионе станут вопросы обеспечения водными ресурсами.

Именно доступ к воде, а не газу, станет тем детонатором, который повлечет за собой эскалацию целого ряда прежних и новых конфликтов. Ну а уже форма этого противостояния будет разной: и религиозной, и этнической, и социальной.

По большому счету в регионе сегодня уже сложилась ситуация «динамической стабильности», при которой достаточно незначительного толчка, чтобы вывести всю систему из этого квазистабильного состояния. И вода – это именно то, что нужно в такой ситуации...

Владислав Гулевич (Украина).

К сожалению, большинство трансформационных процессов в ЦА пока идут в выгодном для Запада русле. Оказывается международное давление на Тегеран, в Афганистане присутствуют солдаты НАТО, в среднеазиатских республиках – тоже базы НАТО.

России главное обеспечить своё присутствие, хотя бы в Средней Азии. Это – задача минимум на южном направлении. Южные границы СССР были твёрдой преградой на пути энтропийных процессов в регионах. Рухнули эти границы – и проявления энтропии захлестнули уже саму Среднюю Азию. Стабилизировать обстановку в Киргизии, Узбекистане или Таджикистане будет не просто. Там колоссальные экономические проблемы, демографический всплеск, клановость на высшем уровне. Огромную массу недовольного населения пока используют в своих интересах американцы. Киргизские бунты – тому свидетельство. Вектор у этих процессов один – упрочение присутствия Вашингтона в стратегически важном регионе. На данном этапе Белый дом достиг то, что хотел (или мог). Некоторое время статус-кво будет сохранён, а Запад будет делать всё возможное, лишь бы не сворачивать своё военное присутствие в государствах Средней Азии, т.е. практически у самых границ РФ и КНР.

Проамериканская Средняя Азия плюс Афганистан и Пакистан – «клещи», в которые берут Иран. Кроме того, эти страны – стратегически выгодная площадка для давления на Пекин. И сами же США не заинтересованы в стабилизации этих стран. Стратегия хаорда (от англ. chaos (хаос) + order (порядок) оправдывает себя. Вашингтон сеет хаос, чтобы навести свои порядки. Предпосылок для укрепления российского влияния в ЦА я не вижу. Разве что в рамках уже наметившихся процессов, без революционных прорывов.

Александр Собянин (Россия).

Процессы во всех странах региона, включая нейтральную Туркмению, идут в противоположных направлениях — одновременно на развитие и деградацию, на сближение с Россией и на отстранение от нашей страны, на исламизацию и вестернизацию и т.д. Центры инициации находятся в близких к президентам стран Средней Азии группах влияния из числа местной властной элиты, а из внешних игроков — в США и в России.

Китай на сегодня не планирует трансформировать Среднюю Азию, т.к. ей уготована роль спокойного надежного тыла перед военной и экономической экспансией на юго-запад и юго-восток (с окончанием векторов экспансии в Африке и в Латинской Америке). Результаты трансформации зависят как от больших факторов, таких как отсутствие сейчас Среднеазиатской политики России, так и от частных факторов, таких как физическое здоровье президентов стран.

Игорь Панкратенко (Россия).

Думаю, что из предложенных мною схем, достаточно ясно вырисовывается картина трансформационных процессов, которые я обозначил бы термином «неуклонное

нарастание противоречий». Причем, не только между основными игроками, но и между постсоветскими государствами Центральной Азии.

Говоря о ситуации в Центральной Азии, необходимо учитывать, что за истекшие 10 лет на постсоветском пространстве в регионе ни одна из проблем, грозящих перейти из конфликта политического в «красный сектор», определение которого дал С.Н.Гриняев, не исчезла.

Сегодня центральноазиатский регион представляет собой группу стран с большой плотностью населения, высокими темпами роста населения и критическим уровнем бедности. Фактически, мы имеем дело с котлом, который совместными усилиями удастся еще прикрыть крышкой, не дать конфликтам перейти в «острую» стадию. Но ведь это именно стремление зафиксировать существующее положение дел, не более того.

Острейшие проблемы совместного использования трансграничных водных ресурсов, Ферганская долина, архаизация социальных отношений, растущее демографическое давление – все это создает клубок противоречий, которые возможно решить только совместными усилиями.

Одновременно эти же противоречия более чем благоприятствуют применению основными игроками операций, относимых к «четвертому поколению противоборства» (4GW). Кстати, думаю, что на экспертном уровне уже давно пора провести осмысление 4WG не только на теоретическом уровне, но и в виде своеобразной «штабной игры» на материалах того же центральноазиатского региона.

В целом, я считаю, что любая из вышеозначенных проблем может послужить источником дестабилизации ситуации в регионе. Причем, вот обратите внимание на следующее обстоятельство – недееспособность правящих элит в пост-советских государствах (за исключением, разумеется Казахстана, который вообще стоит особняком).

Не так давно Федор Лукьянов в одной из своих публикаций великолепно сформулировал: «Вся современная российская элита является таковой только благодаря исчезновению Советского Союза. Не случись этого события, никто из ныне управляющих Россией, включая и верховный тандем, на пушечный выстрел не приблизился бы к властным эмпиреям». И это относится ко всем правящим элитам пост-советского пространства, за редким исключением, которое, впрочем, только подтверждает правило.

Я не буду здесь приводить факты, они достаточно общеизвестны. Ограничусь выводом, который лично у меня превратился в стойкое убеждение: нынешние правящие элиты пост-советских государств Центральной Азии (опять же – за исключением Казахстана), поведение этих элит в собственных странах – одна из основных предпосылок того, что трансформационные процессы в регионе будут носить негативный характер.

4. Ваша оценка характера деятельности центров силы в регионе в случае начала трансформационных процессов?

Сергей Гриняев (Россия).

Прежде всего, это то, что сами эти геополитические силы и станут источником революционного движения. Я не являюсь сторонником тех революционных теорий, которые полагают, что угнетенные массы народа сами могут решать свою судьбу. Да, я могу согласиться с тем, что такие силы могут представлять собой серьезный разрушительный потенциал. Они даже могут снести действующую власть, но они совершенно беспомощны в вопросах государственного строительства. Совершенно бесполезно предполагать, что придя к власти эти народные массы будут в состоянии

удержаться независимости и не вступить в союз с тем или иным геополитическим центром силы.

Что касается деятельности центров силы, то моя оценка здесь сводится к тому, что на просторах Центральной Азии столкнутся интересы Великобритании и Китая. Британия, как и подобает Метрополии, в регионе будет работать не напрямую, а через своих региональных союзников. Я бы назвал в числе таких Израиль.

Ну а Китай во многом будет вынужден работать самостоятельно. Опираясь на союзников непосредственно среди пассионариев региона.

Чем закончится эта борьба сегодня очень трудно прогнозировать. Однако следует помнить, что Британская Империя не всегда наносила поражение своему противнику непосредственно на поле боя.

Очень часто победа достигалась тем, что, несмотря на определенные успехи на поле брани, противник вдруг обнаруживал, что в его глубоком тылу все изменилось настолько, что победа уже выглядит как поражение. Вот и в этой ситуации в борьбе центров силы ситуация может пойти таким путем, что Китай, углубившись в борьбу, вдруг окажется на пороге глубокого экономического кризиса, что вызовет необходимость пересмотра своих внешнеполитических интересов.

Владислав Гулевич (Украина).

С геополитической т. зрения менее всего Москву должно беспокоить проникновение в ЦА Тегерана. Обе столицы выступают за создание многополярного миропорядка, обе опираются на одни и те же силы. Иранский шиизм не оказывает никакого влияния на российских суннитов (они больше подвергаются идеологическому воздействию экстремистских группировок, курируемых Западом). Почти всё, что выгодно в ЦА Ирану – выгодно в и России.

В первую очередь иранское продвижение в эти регионы сталкивается с интересами Соединённых Штатов. Именно проамериканская позиция азербайджанских властей заставляет Тегеран сдержанно посматривать в сторону Баку. Это выражается в поддержке Армении в вопросе урегулирования нагорно-карабахского конфликта и сближением позиций Ирана и Армении по другим пунктам – экономическое сотрудничество и прохладное отношение к идеям неоосманизма.

В среднеазиатских республиках Иран наращивает экономические связи, но о политическом усилении иранских позиций говорить пока рано, поскольку элиты среднеазиатских республик не идут на чрезмерное сближение с Тегераном, опасаясь окрика из Вашингтона. На сегодня наиболее впечатляющим выглядит экономическое сотрудничество Ирана с Таджикистаном. По итогам 2010 г. товарооборот между этими странами составил \$201,7 млн. (Россия – \$959,8 млн., Китай – \$685,1 млн., Турция – \$438,6 млн.). Главной целью Тегерана на постсоветском пространстве будет реконфигурация региона в соответствии с собственными геополитическими интересами, что, в первую очередь, предполагает вытеснение внерегиональных игроков, прежде всего, Соединённых Штатов.

Российское и иранское влияние могут вполне ужиться, как уживается влияние турецкое и иранское. Вашингтон старается сколотить антииранский фронт.

Американцы уже смогли поколебать позицию Анкары, призвав турецкие власти не вмешиваться в отношения между мировым сообществом и Ираном. К антииранским инициативам «попросят» присоединиться Ирак, Афганистан и Пакистан. Это не составит труда, т.к. у этих государств отношения с Ираном всегда были натянутыми. К тому же,

эти страны уже помогают Вашингтону тем, что двигаются в фарватере его ближневосточной политики.

Географическое положение Ирана настолько уникально, что даёт ему многие преимущества, однако иранский потенциал искусственно сдерживается американским гегемоном. Иран имеет рычаги влияния и на каспийский регион, и на Кавказ, и на зону Персидского залива, и на основные «болевы́е точки» планеты – Афганистан, Пакистан. Ещё больше козырей в руки Тегерану даёт контроль над Ормузским проливом – главным маршрутом транспортировки углеводородов из арабских государств.

Иран – это неконтролируемое звено, ставящее под угрозу реализацию американского плана Большого Ближнего Востока.

Усиление китайского влияния куда более нежелательно для России. Если выразаться в терминах геополитики, то Иран придерживается сегодня политики континенталистского толка, в то время как Китай – это одна громадная «береговая зона», то и дело подпадающая под влияние атлантистов (вспомните конфликт на о. Даманском, китайско-вьетнамскую войну 1979 г.). КНР и США – конкуренты, но они и союзники. Эти два государства более всего желали бы вытеснить Москву из ЦА.

Александр Собянин (Россия).

Россия тянет время и продлевает "подвешенную ситуацию", поскольку до весны 2012 года никакой политической потенции проявлять в Средней Азии не готова.

США пока в целом почти всё устраивает, т.е. это близко к российской позиции. Возможны нюансы с вероятными "египетскими" сценариями для стран региона, но эти сценарии пока лежат в планшетке мирового гегемона, они могут быть запущены или так и останутся планами.

Важно, что ни Россия, ни Китай проводить "оранжевые" сценарии не умеют. И, добавлю, нам важнее ориентироваться на другие технологии, — пусть более brutальные и простые, но проверенные двумя столетиями продвижения России в Среднюю Азию. Я имею в виду культуру и образование, помощь в развитии производства, военно-политическое сотрудничество и инкорпорацию лучшей части местных элит в элиту российскую. Как видно уже из этих условий — опять-таки до весны 2012 года это неактуально.

Игорь Панкратенко (Россия).

Характер деятельности будет определяться интересами основных игроков в регионе. От степени их заинтересованности, от состояния внешне-политического потенциала будет зависеть инструментарий их внешней политики по отношению к региону. По большому счету, основное противостояние развернется между региональными и внерегиональными центрами силы. Первые будут настаивать на том, что проблемы региона должны решаться внутри региона, без привлечения внерегиональных акторов. Ну а внерегиональные акторы будут доказывать обратное, а для аргументации своей позиции активно будут использовать полностью оправдавшие себя в последнее десятилетие методы, от поощрения сепаратизма и активизации «управляемого фундаментализма» до массированного информационного воздействия, терроризма и, как пик создания управляемого хаоса, развязывание конфликтов малой интенсивности.

5. Каковы, на Ваш взгляд, факторы устойчивого развития региона в настоящем и будущем? Сохранится ли Центральная Азия во второй половине XXI века? Что может выступить консолидирующей основой добрососедского развития?

Сергей Гриняев (Россия).

Полагаю, что регион ждут серьезные испытания. Однако не все так мрачно. Проблемы, которые обозначены в качестве возможных инициаторов процессов дестабилизации ситуации в регионе, вполне могут быть ориентированы и во благо.

Это. Прежде всего, касается доступа к водным ресурсам. Совершенно очевидно, что эта проблема будет использована для дестабилизации ситуации. Поэтому необходимо приложить максимум усилий к тому, чтобы предложить решение проблемы до момента ее использования в интересах противников стабильности в регионе.

Более того, проблема обеспеченности водными ресурсами населения планеты в XXI веке будет одной из важнейших проблем столетия и не только Центральная Азия окажется во власти угрозы отсутствия доступа к необходимым запасам воды.

Сегодня у стран региона есть возможность предложить миру свой вариант решения этой проблемы. И этот опыт позволит предотвратить не один жестокий конфликт.

Также считаю, что будущее региона непосредственно связано с процессами выстраивания посткризисной мировой экономики. На каких принципах это будет происходить - пока нет четкого представления. Но уже понятно, что один из путей выхода из кризиса – это отказ от единой резервной валюты и регионализация мировой валютно-финансовой системы. И здесь для стран региона открываются неплохие перспективы – на территории Евразии возможно существование двух валютно-финансовых кластера: на базе китайского юаня и на базе «евраз» - новой валюты, предложенной Казахстаном, и поддержанной Россией. А вот в какую зону войти – будет решать каждый для себя сам.

И третий путь сохранения стабильности – активное вовлечение стран региона в процессы «новой глобализации», которые неизбежно будут развиваться в посткризисном мире. Среди этих процессов важнейшим будет процесс формирования глобальных транспортных коридоров. Не случайно историческое величие многих стран Центральной Азии связано с развитием «Шелкового пути», как транспортной артерии, связавшей Европу и Азию.

В XXI веке ситуация во многом аналогична – восстановить величие региона возможно путем вовлечения стран в формирование новых глобальных транспортных коридоров. Сегодня уже существует такой глобальный транспортный коридор, правда это негативный пример - наркотрафик - это уже сформировавшийся глобальный транспортный коридор, который приносит существенную долю доходов в государствах Центральной Азии. Сегодня вопрос заключается в том, как использовать этот потенциал на благо всем странам и народам региона. А то, что будущее у региона есть я не сомневаюсь.

Владислав Гулевич (Украина).

Тесные переплетения экономических интересов, особенно в нефтегазовой отрасли, в значительной мере уменьшают вероятность возникновения жёсткого противостояния.

Ещё более стабилизировать ситуацию могла бы геополитическая ось Москва-Тегеран, но её пока в полном масштабе не существует. Координированное воздействие на регион России с севера и Ирана с юга привнесло больше сбалансированности и

способствовало снижению уровня энтропии. Пока же у Москвы, Тегерана и Вашингтона свои интересы. У Тегерана и Вашингтона – диаметрально противоположные.

ЦА – это кипящий котёл будущего. Всё зависит от того, какого курса будут придерживаться политические элиты Ирана, Китая, РФ, США. Тегерану крайне важно сохранить своё присутствие в Сирии, Ливане, Ираке, а это приведёт напрямую к усилению роли Ирана ещё и в палестинских делах. Но там же хотят надолго закрепиться Соединённые Штаты, а заинтересованность Тегерана Палестиной не на шутку беспокоит Израиль.

Тель-Авив и Вашингтон первоочередной задачей считают необходимость заставить иранцев отказаться от амбициозных внешнеполитических планов. Назревают противоречия между Исламабадом и Кабулом. Натянутые отношения между Исламабадом и Дели – вообще привычная картина. Такой расклад предполагает, что вряд ли ЦА в ближайшее время светит спокойное и гармоничное существование.

Александр Собянин (Россия).

Средняя Азия будет частью Большой страны, условно Евразийского Союза или страны с иным названием.

Центральная Азия как "Средняя Азия плюс другие соседние страны" не то что сохранится, а увеличит свое значение для мировой политики.

Добрососедское развитие не нужно — ибо уже постановка такого вопроса предполагает, что "мы россияне" а "они — чужие нам", они соседи. Нужно совместное развитие, общие производства, общее пространство общей единой и частных национальных культур. XX век был короток — с 1914 до 1991, а век XXI вполне может оказаться длинным. Но лишь после 3-й мировой войны, которая, как я понимаю, лежит вне контекста данного круглого стола.

Игорь Панкратенко (Россия).

У меня нет сомнений в том, что *условием стабильного и мирного развития региона является скоординированное воздействие на него оси Москва-Тегеран-Пекин*, привлечение к этому проекту Германии и «выдавливание» внерегиональных игроков, в первую очередь – США и образующегося на наших глазах «нового Халифата», во главе с Саудовской Аравией.

Одновременно с этим, я понимаю всю утопичность подобного проекта в обозримом будущем. Китай не готов к противостоянию США. У Ирана более чем достаточно как внутренних проблем, так и проблем на других внешнеполитических направлениях. Россия увязла в собственных проблемах, вызванных обострившимися противоречиями между капиталом национально ориентированным и капиталом «космополитическим».

Но и у США ресурсы не безграничны, в настоящее время они просто не располагают возможностями вести активную наступательную политику в регионе, особенно с учетом нарастающих проблем с Пакистаном.

Таким образом, представляется, что на ближайшую перспективу политика основных игроков будет носить скорее рефлексивный характер, характер разового реагирования на перманентно возникающие в регионе вызовы и угрозы.

Сегодня никто из игроков не в состоянии предложить своим геополитическим партнерам комплексную программу «Как нам обустроить Центральную Азию». Сегодня никто не обладает политическими и экономическими возможностями для

реализации этой программы. Сегодня никто из правящих элит самой Центральной Азии в таких программах не заинтересован. А значит, в обозримом будущем Центральная Азия будет оставаться поясом нестабильности и полем «Большой Игры».